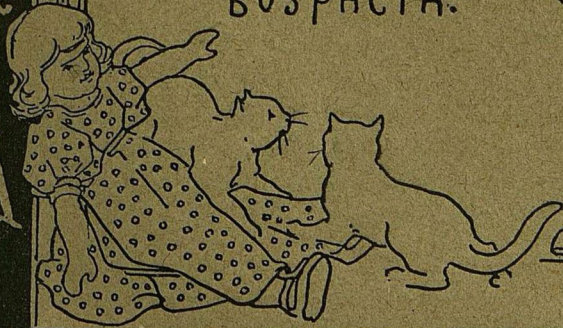

П
Ч
Е
Л
К
А

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ
ДЪТЕЙ
МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Подруги. Рисунокъ.	545
Петрусь-пастушокъ. (Изъ далекаго прошлаго). <i>Н. Гиляровской.</i> . . .	546
Семенова дочка. <i>З. Пётровичъ.</i>	553
Какой славный! Рисунокъ.	558
Осенью. Стих. <i>В. Соболева.</i>	559
На далекомъ сѣверь. <i>З. П.</i>	561
Игра. Веселый командиръ. <i>В. Еринлова.</i>	573
Въ школу. Рисунокъ.	576

Отъ конторы журнала „ПЧЕЛКА“.

При доплатахъ и всякаго рода заявленіяхъ, а также при увѣдомленіи о перемѣнѣ адреса г. подписчики благоволятъ прилагать печатный адресъ, безъ котораго справки и перемѣны затруднительны.

За перемѣну адреса уплачивается три 7-коп. марки.

II г. изданія.

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

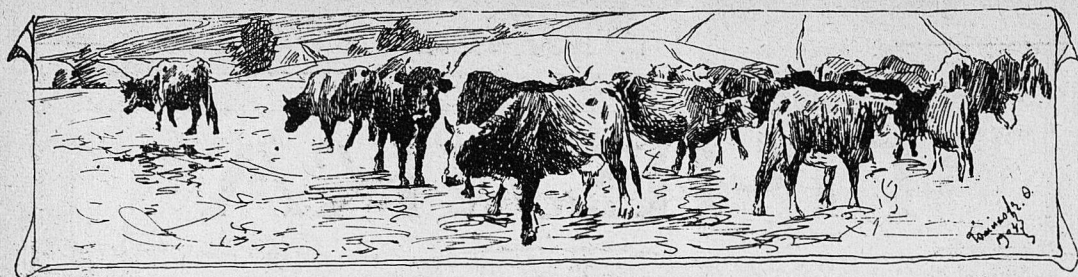

№ 18-й.

15 сентября 1907 г.

ПОДРУГИ.

Петрусь-пастушокъ.

(Изъ далекаго прошлаго).

Весело было лѣтомъ Петрусю. И птички поютъ и солнышко свѣтитъ. Ходятъ за нимъ овечки его. Всѣхъ ихъ знаетъ онъ, съ каждой поговоритъ Петрусь-пастушокъ. Дадутъ ему хлѣба краюшку утромъ, и ходитъ онъ съ ней до поздняго вечера, а придетъ домой, ляжетъ спать гдѣ-нибудь на сѣно и спитъ до самаго утра.

Весело лѣтомъ,—степь зеленая пораскинулась, цвѣточками вся поросла: тутъ и ромашка бѣленькая и макъ красный, василечекъ синенькій растетъ.

Хорошо въ степи весною!

Въ полдень къ рѣкѣ пойдетъ Петрусь-пастушокъ. Пьетъ стадо, купается, плещутся коровки, прыгаютъ барашки молодые, а Петрусь лежитъ на песочкѣ бѣленькомъ, и хорошо ему. Жжетъ солнышко, плещетъ голубая рѣчка, шуршитъ камышь, будто рассказываетъ что-то, шепчетъ, наклоняется. Подуетъ вѣтерокъ теплый-

теплый, зарядить рѣчка прозрачная, громче зашуршит камышъ.

Заиграетъ на дудочкѣ Петрусь, и еще веселѣе станетъ. Тоненькая звонкая пѣсенка понесется, и кажется

Петрусю, что слушаютъ его птички, что веселѣе плещутся серебряныя рыбки въ рѣчкѣ чистой...

И живетъ такъ Петрусь все лѣто.

Настанетъ осень холодная, мелкимъ дождемъ небо заплачетъ, и скучно Петрусю станетъ.

Небо сѣрое, печальное, пожелтѣли листья, дуетъ вѣтеръ холодный, и думаетъ Петрусь, что не хочется умирать землѣ, не хотятъ завядать листочки...

Грустно, грустно.

Не прыгаютъ барашки, камышъ пожелтѣлъ.

Холодно, небо хмурое, дни короткіе. Скучно Петрусю. Играетъ онъ на своей дудочкѣ звонкой, и жалобно - жалобно несется пѣсенка...

Зимой еще хуже. Петруся не любятъ въ деревнѣ. Всѣ говорятъ: дурачокъ онъ. Не играетъ съ ребятами, не бѣгаетъ съ ними весною гнѣзда вороньи разорять. Жалко Петрусю желторотыхъ птенцовъ. Зачѣмъ ихъ трогать? Тоже жить хотятъ, и мать съ отцомъ летаютъ и кричатъ жалобно-жалобно...

А у Петруся нѣтъ отца съ матерью. Не помнитъ онъ ихъ. Всегда - всегда жилъ Петрусь у чужихъ. Зиму сидитъ въ хатѣ чьей-нибудь. Кто возьметъ Петруся, тамъ и живетъ онъ, а лѣтомъ стадо пасетъ. Кормятъ Петруся, бьютъ его, а ему все равно. Скучаетъ о солнышкѣ Петрусь, о голубой рѣчкѣ, о степи цвѣтущей...

Холодно. Снѣгъ. Нельзя уйти, вездѣ сугробы глубокіе: не пройдешь. Да итти некуда: вездѣ снѣгъ, вездѣ холодъ.

Сидитъ Петрусь и думаетъ о лѣтѣ жаркомъ, веселомъ...

Учили его, что деньги онъ требовать можетъ за то, что стадо лѣтомъ пасетъ. А Петрусь засмѣялся только:

— Деньги? Зачѣмъ мнѣ деньги? Кормятъ меня и живу я здѣсь у тетки Мотри. Чего еще?

Учили - учили Петруся, что Мотря его деньги беретъ, а онъ только смѣялся:

— Значить, надо, коли беретъ.

Только о лѣтѣ тосковалъ Петрусь. Когда первые лучи весенняго солнца прорывались сквозь сѣрое небо, Петрусь оживалъ. Садился онъ на завалинкѣ на солнышкѣ и начиналъ играть на дудочкѣ. Весело было ему: свѣтитъ яркое солнышко, тепло, зацвѣтаетъ верба... Хорошо!.. Разъ сидѣлъ такъ Петрусь и игралъ. Весело, какъ жаворонокъ раннимъ утромъ, неслась его задорная звонкая пѣсенка.

Въ деревнѣ суетились. Сосѣдній помѣщикъ, панъ богатый, проѣзжалъ мимо. Сломалось колесо, нашли кузнеца, стали чинить. А панъ пошелъ по деревнѣ, смотрѣлъ хаты, разговаривалъ съ бабами, мужиками, дѣтямъ деньги давалъ.

А Петрусь все играетъ да играетъ...

Подошелъ панъ къ нему.

— Кто тебя играть выучилъ?

А Петрусь не слушаетъ и все играетъ.

— Кто это тебя играть выучилъ?

Панъ взялъ его за руку.

Испугался Петрусь, дудочку уронилъ, чуть не заплакалъ.

— Никто. Гдѣ ужъ учить! Самъ все играетъ,—отвѣтила тетка Мотря:—пастухъ онъ у насъ.

— Дайте его мнѣ, я его учить буду. Кто онъ? Какъ зовутъ-то его?

— Петрусь. Сирота онъ, такъ міромъ и кормимъ. Дурачокъ онъ.

— Пойдешь со мной, Петрусь? У меня тебѣ хорошо будетъ.

Петрусь не понималъ, куда ѣхать, зачѣмъ? Солнышко свѣтитъ, и тепло-тепло.

Взялъ панъ Петруся за руку и повелъ его, посадилъ его съ собой въ телѣгу знатную. Вся блеститъ, раскрашена, бубенчики звенятъ. Никогда не видалъ Петрусь такой телѣги. Заслушался онъ, какъ бубенчики звенятъ, и не видалъ Петрусь, какъ увезъ его панъ къ себѣ черезъ рѣчку, далеко-далеко.

Одѣли тамъ Петруся въ рубашку алую и въ штаны широкія бархатныя. Всѣ смотрятъ на него, любуются, а Петрусю все равно.

Грустно. Ни рѣчки не видно, ни лѣса, ни степи широкой. Росли деревья около панскаго дома, да все какія-то чудныя.

Грустно Петрусь. И на дудочкѣ не играетъ... плачетъ Петрусь. Ходить пань къ нему, разговариваетъ, ходять люди разные все играть просятъ.

Молчитъ Петрусь.

Не умѣетъ играть онъ, когда не хочется. Да еще дождь пошелъ. Тоска. Небо сѣрое.

Панскій домъ богатый, красивый не нравится Петрусь, боится онъ комнатъ большихъ и пола блестящаго и скамеекъ чудныхъ, рѣзныхъ, золоченыхъ.

Похудѣлъ Петрусь, не ѣстъ ничего. Хотѣлъ убѣжать Петрусь, да некуда: рѣшетка кругомъ.

Еще хуже Петрусь стало. Ужъ не ходитъ Петрусь, лежитъ и плачетъ; дудочка рядомъ съ нимъ. Не играетъ Петрусь, скучаетъ о степи онъ, душно ему въ загородкѣ каменной, въ комнатахъ золоченыхъ.

Плачетъ Петрусь.

Пришелъ опять пань къ нему.

— Что съ тобой, Петрусь?

— Домой хочу. Вольную пташечку въ клѣтку вы заперли. Душно здѣсь, тѣсно, въ степь хочу, туда, гдѣ солнышко яркое, гдѣ журчитъ рѣчка прозрачная, гдѣ поля желтѣютъ росистыя.

Замолчалъ Петрусь.

Подумалъ пань:

„Не удержатъ жаворонка въ клѣткѣ золоченой, замолчить, затоскуеть онъ въ неволѣ“.

Отвезли Петруся въ деревню родную. Зажилъ Петрусь, какъ и прежде: и со стадомъ ходитъ и на дудочкѣ играетъ пѣсенки звонкія.

Только злая тоска мучила его. Помнилъ о клѣткѣ жаворонокъ вольный.

Осень пришла. Пожелтѣли лѣса, степь привольная поблекла.

Боленъ Петрусь. Не играетъ онъ, сидитъ на зава-
линкѣ и плачетъ Петрусь. А зима пришла бѣлая, хо-
лодная, еще больше затосковалъ Петрусь.

Не оживило его солнышко весеннее, красное—умеръ Петрусь, умеръ жаворонокъ вольный.

Плещеть рѣка, поютъ птички. Новый пастушокъ со стадомъ бродитъ. Забыли всѣ Петруся бѣднаго. Только собака воеетъ и плачетъ да жалобно шепчутся камыши надъ рѣкой, пѣсню поютъ о Петрусѣ, о звонкомъ жаворонкѣ въ клѣткѣ.

Н. Гиляровская.

Семенова дочка.

Семень служилъ курьеромъ при Окружномъ судѣ.

Каждое утро, напившись чаю со своей женой, худой, блѣдной женщиной, онъ тщательно чистилъ щеткой свой поношенный мундиръ и въ 9 ч. уходилъ наверхъ, въ зданіе суда, на службу.

Семень жилъ въ подвальномъ этажѣ того же зданія, гдѣ находился судъ. Ему давалась одна большая комната съ русской печью, гдѣ помѣщался онъ съ женой и ребятишками, которыхъ у него было пятеро.

Онъ былъ очень бѣденъ. Положимъ, квартира была даровая, но жалованье было очень мало. Все, что зарабатываетъ, на ѣду да на одежду не хватаетъ. Еще бы! такую семью прокормить—дѣло не шуточное!..

Служба у Семена не мудреная, да утомительная. Цѣлый день нужно быть на ногахъ, бѣгать по разнымъ порученіямъ да справкамъ. Къ концу такъ утомится, что домой придетъ—ногъ подъ собой не слышитъ.

Въ 12 ч. жена принесетъ ему пообѣдать, а послѣ — чайникъ съ кипяткомъ для чая. И ѣсть и пьеть Семень наскоро, всегда волнуясь да обжигаясь. Часто приходилось ему бросать обѣдъ не оконченнымъ и бѣжать за какимъ-нибудь порученіемъ, а послѣ приходитъ и дохлебывать остывшія щи.

Усталый возвращается Семень домой, а дома всегда шумъ, визгъ, крики дѣтей. Всѣ въ одной комнатѣ и всѣ малыши. Старшей, Наташкѣ, едва десятый годъ пошелъ.

Какая славная была эта Наташка! Маленькая, худенькая, хрупкая, лѣтъ семь ей по виду дать можно, но умна, разсудительна, хозяйственна не по лѣтамъ. Это была материна правая рука: то няньчить годовалаго Шурку, то бѣжить въ лавочку за чернымъ хлѣбомъ и керосиномъ, то посуду перемываетъ, то самоваръ разводитъ.

Случилось Семеновой женѣ захворать, да такъ сильно, что пришлось свезти ее въ больницу. Семень и голову совсѣмъ потерялъ. Что дѣлать? И дѣтишекъ бросить нельзя и службу нельзя оставить.

Сидитъ Семень у окна, а крупныя слезы такъ и бѣгутъ, такъ и катятся, точно дождикъ въ глухую осень.

„Господи, Боже мой, — думаетъ Семень. — И за что такъ наказываешь? Не пьянствую я, работаю, тружусь

изъ послѣднихъ силъ, а все нѣтъ счастья. То бѣдность одолѣвала, а теперь на-кося, что подвернулось“.

А Наташка къ нему подошла и утѣшаетъ:

— Что ты, тятка, горюешь-то? Авось, справимся и безъ мамки. Иди-ка въ судъ, а я по дому и безъ нея справлюсь.

Семень только улыбнулся въ отвѣтъ. Куда такой малюткѣ справиться? Однакожъ служба не ждетъ.

Пошелъ, махнувъ рукой, оставивъ все на волю Божию.

Ровно въ 12 ч. Наташка принесла ему наверхъ миску шей съ краюхой чернаго хлѣба. И пришла, завернутая въ большой теплый платокъ, съ серьезнымъ видомъ, точно и впрямь настоящая хозяйка.

— Баушка Матрена свою Анютку мнѣ на подмогу прислала,—сообщала она, вытирая носъ и ожидая, когда отецъ опростаетъ миску.—Анютка Шурку стала нянчить, а я въ лавочку сбѣгала, обѣдъ сварила.

— Семень, отнесите этотъ пакетъ на почту,—сказала высокая бѣлокурая барышня, писавшая всегда что-то на машинкѣ.—Это что же, ваша дочка?—спросила она, указывая на Наташку.

— Такъ точно, барышня,—сконфуженно отвѣчалъ Семень, вытирая усы и вставъ со стула.—Замѣсто хозяйки теперь.

И Семень разсказаль, въ чемъ было дѣло. Барышня удивилась и похвалила Наташу.

— Какой она у тебя молодецъ, Семень. Такая крошка, а ужъ помощница!

Семень широко улыбнулся. Онъ и самъ удивлялся Наташкѣ, откуда въ ней только что бралось!

Время шло, и маленькая хозяйка отлично управлялась со всѣми дѣлами. Иногда вечеромъ, уложивъ спать братишекъ и сестеръ, начинала стирать слабыми, усталыми ручонками, хотя у самой глаза слипались.

— Брось, дочка, брось, родная,—уговариваль ее Семень.—Брось, всего не передѣлаешь!

Заходившія бабы только головами покачивали, глядя на малютку-хозяйку.

— Вотъ дѣвка-то будетъ: золотыя руки!—скажутъ онѣ.—Ну, Семень, послаль тебѣ Богъ счастье!

А Семень и самъ давно уже понялъ это. Онъ ясно чувствовалъ, какой миръ, любовь и покой приноситъ эта худенькая крошка въ его неудачную сѣренькую жизнь.

Скоро исторія Наташи стала извѣстна всѣмъ служащимъ въ судѣ. Ею интересовались, о ней спрашивали.

Барышни дарили ей гостинцы, а въ день ея ангела сдѣлали ей подарокъ, да еще какой: бумазейное платье, коробку конфетъ и два рубля деньгами!..

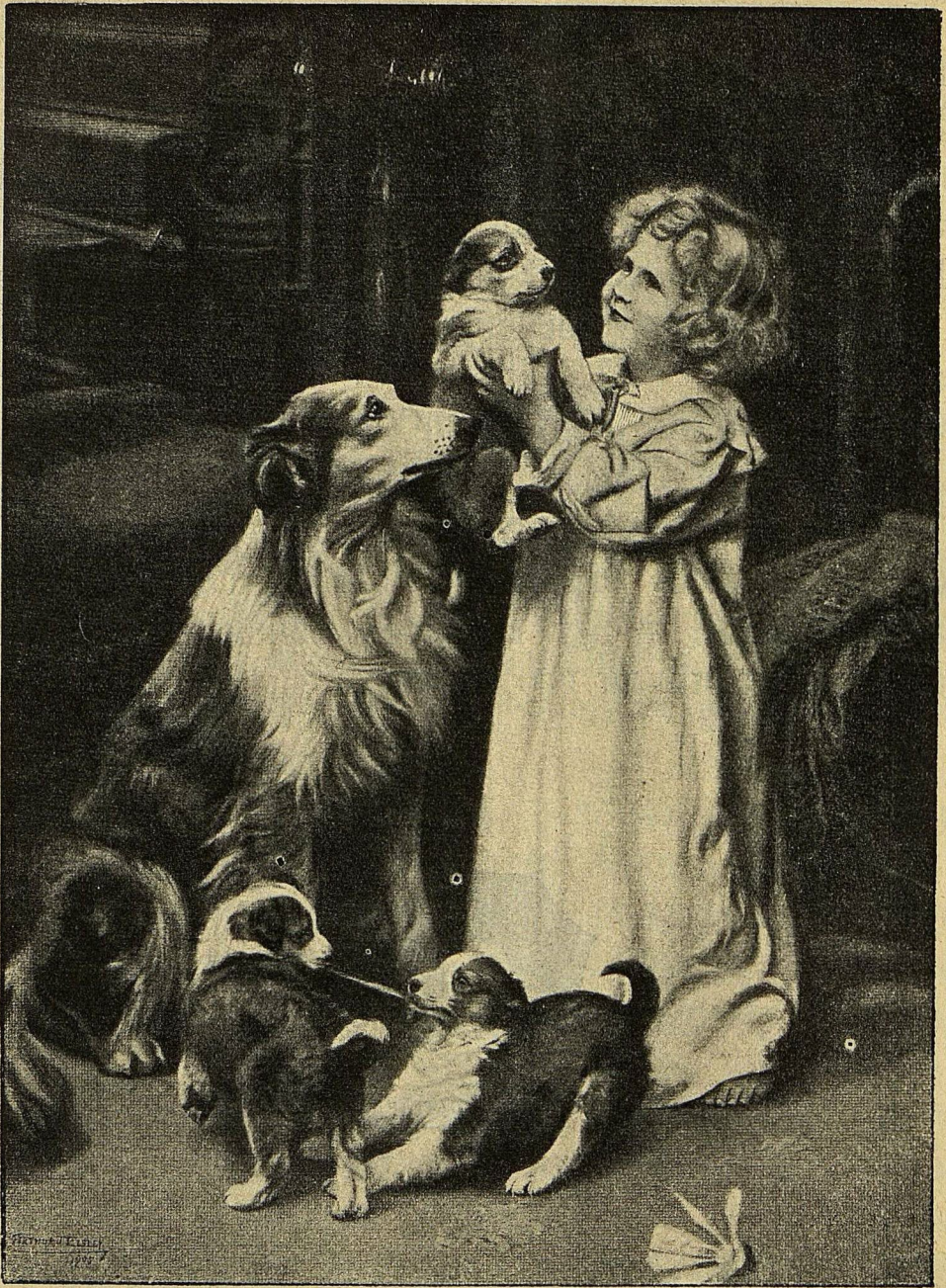
Въ тотъ же день выписалась изъ больницы и мать Наташи. Она сидѣла на лавкѣ худая и блѣдная и, слушая бабъ, пришедшихъ рассказать ей о подвигахъ Наташи, смѣялась и плакала, сама не зная почему.

Наташа, съ раскраснѣвшимися щеками, показывала ей подарки и все восхищалась платьемъ и тоже смѣялась.

Семену почему-то долго не спалось въ эту ночь. Онъ глядѣлъ на образъ, висѣвшій въ углу, глядѣлъ на Наташу, спавшую глубокимъ дѣтскимъ сномъ, и чувствовалъ, какъ огромная, свѣтлая радость наполняла его сердце, и ему казалось почему-то, что горе и невзгоды покинули его навсегда.

Э. Піотровичъ.

КАКОЙ СЛАВНЫЙ!

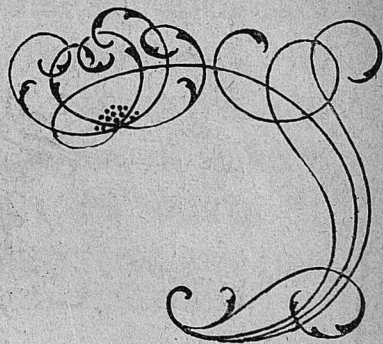

Осенью.

*Нахмуренный, пасмурный вечерь,
Все тихо, безмолвно кругомъ,
И только осенній лишь вътеръ
Сердито шумитъ подъ окномъ.*

*Сердито шумитъ и качаетъ
Рядъ стройныхъ въ саду тополей,
И эхо ему отвѣчаетъ
Въ широкомъ просторъ полей.*

*Свинцовыя тучи нависли,
Природы безжизненень видъ...
Въ мозгу невеселыя мысли,
И сердце болитъ и болитъ...*

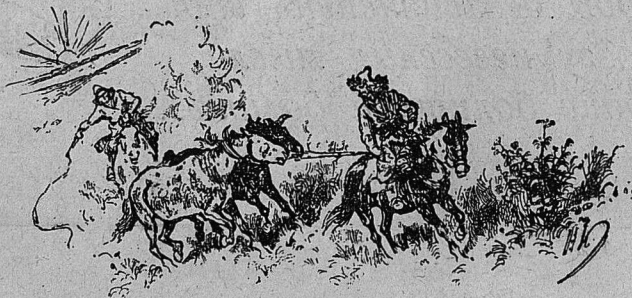
Внутри что-то вдруг шевельнулось
Какимъ-то укоромъ себѣ,—
О прошломъ ли счастье взгрустнулось,
Усталъ ли въ суровой борьбѣ?

Недолгіе прожиты годы,
Но волосъ ужъ виденъ сѣдой;
Онъ данъ мнѣ годами невзгоды,
Отказанъ въ наследство бѣдой.

И скучно, и грустно, и больно
За часомъ проходитъ такъ часъ,
И жгучія слезы невольно
На щеки катятся изъ глазъ...

А вѣтеръ осенній сердито
У оконъ шумитъ и шумитъ
И словно о всемъ, что забыто,
Со смѣхомъ напомнить спѣшитъ!..

В. Соболевъ.

На далекомъ сѣверѣ.

Холодное сѣверное лѣнивое солнце медленно лило свои блѣдныя лучи на громадныя ледяныя горы то прозрачно-чистыя, какъ хрусталь, то дивнаго-изумруднаго, фіолетоваго и голубого цвѣта, свободно и величаво плавающія въ бурныхъ волнахъ Ледовитаго океана. Волны сильно ударяли одна о другую, и отъ этого ледяныя глыбы сталкивались съ такой силой, шумомъ и трескомъ, что, казалось, пришелъ имъ конецъ: вотъ разлетятся онѣ на тысячи кусковъ, но ничуть не бывало. Блестящей струей осыпались мириады отколовшихся кусочковъ льда, и вновь расходились льдины въ разныя стороны, чтобы опять съ такимъ же шумомъ и грохотомъ столкнуться съ другими горами.

Бѣлый снѣгъ на горахъ блестѣлъ такъ ярко, что глазамъ становилось больно. Кругомъ, куда ни кинешь взглядомъ, вездѣ вода, мрачная, грозная, бурная вода Ледовитаго океана!..

Какая странная, какая чуждая намъ картина далекаго сѣвера! Милліоны бѣлогрудыхъ чаекъ, поджавъ лапки, плавно и тихо носились въ воздухѣ, поджидая добычу, а завидѣвъ рыбку, стрѣлой опускались въ воду и опять такъ же быстро поднимались наверхъ. Съ крикомъ носился буревѣстникъ по волнамъ. Иногда, распутивъ крылья, грудью ложился онъ на волны и лежалъ такъ, тихо покачиваясь, точно отдыхая, точно убаюкивая себя плескомъ воды... Быстро ныряли тамъ и сямъ осторожныя пугливыя гагары. Глупые чистики неподвижно стояли на берегу, не шевелясь, точно окаменѣвъ.

Вотъ около берега забурлила вода, и вынырнулъ тюлень. Съ его круглой сѣрой головы катилась вода и свѣтлыми каплями сверкала на жесткихъ усахъ. Добродушные голубые глаза весело и довѣрчиво глядѣли вокругъ. Онъ выбрался на берегъ, чтобы погрѣться въ лучахъ блѣднаго солнца. Сегодня былъ удачный день: ему посчастливилось схватить одну за другой нѣсколько крупныхъ рыбъ, и теперь онъ чувствовалъ себя довольнымъ и сытымъ.

Бѣлые медвѣди.

— Ухъ! да сегодня солнце,— проворчалъ огромный бѣлый медвѣдь, выходя изъ ледяной пещеры, куда онъ обыкновенно забирался на ночь.— И кому оно нужно только? Будь оно чуть-чуть жарче — право, можно было умереть отъ него!..

— Лучше умереть отъ солнца, чѣмъ отъ когтей бѣлаго медвѣдя,— прошепталъ тюлень, быстро юркнувъ въ воду.

Онъ справедливо опасался этого громаднаго хищника, который однимъ ударомъ лапы могъ убить его. О, какой онъ былъ страшный и громадный, когда, смѣло кинувшись въ воду, поплылъ онъ къ скалистому утесу, выдававшемуся надъ водой. На этомъ утесѣ онъ запримѣтилъ мертваго моржа, которымъ и захотѣлъ пообѣдать. Съ крикомъ поднялись и улетѣли прочь многочисленные буревѣстники, которые уже съ утра трудились надъ падалью, разрывая мясо своими острыми крѣпкими клювами. Великанъ вылѣзъ изъ воды и, фыркая и отряхиваясь, подошелъ къ моржу. Скоро громкое чавканье и трескъ разгрызаемыхъ костей показали, что обѣдъ пришелся по вкусу.

Чайки кружились надъ моремъ и громко кричали: чайки всегда кричатъ! Вотъ одна чайка полетѣла съ большой рыбой во рту, а слѣдомъ за ней погнался поморникъ, онъ не можетъ, какъ чайка, ни окунаться

ни нырять. Это настоящій Оомка-разбойникъ, только тѣмъ и живетъ, что разбойничаетъ. Гоняетъ чайку, преслѣдуетъ ее до тѣхъ поръ, пока она въ отчаяніи не согласится отдать ему добычу, которую онъ тутъ же на лету хватаетъ, прежде чѣмъ она упадетъ въ воду. И такъ безпрестанно кружатся и выются птицы надъ моремъ и кричатъ и воюютъ другъ съ другомъ до поздняго вечера.

Настала ночь. Тихо стало надъ моремъ. Крики чаекъ умолкли; не слышно стало и хлопанья ихъ крыльевъ. Всѣ убрались въ свои норы и гнѣзда. Возшла блѣдная, какъ будто сонная, луна, и при ея свѣтѣ еще чуднѣе, еще волшебнѣе засверкали, заискрились фіолетово-серебристые льды, еще грознѣе, еще таинственнѣе заплескала, завывала вода, разбуженная внезапно налетѣвшимъ порывомъ сѣвернаго вѣтра...

Синее темное небо искрилось звѣздами, золотыми мигавшими звѣздами. Вотъ блеститъ Сѣверная звѣзда, вотъ Оріонъ, Кассіопея, вотъ Драконъ раскинулъ свой сверкающій хвостъ, вонъ тихо мигаютъ Большая и Малая Медвѣдицы...

И вдругъ, что такое?.. Все озарилось чуднымъ розовато-голубымъ свѣтомъ, и свѣтъ мѣсяца погасъ и померкъ при этомъ фантастическомъ дивномъ сіяніи...

И вѣчные снѣга, и блистающій ледъ, и темное бурное море—все окрасилось въ нѣжный розовый свѣтъ, и, какъ въ волшебной сказкѣ, все искрилось и блистало, точно сотканное изъ драгоценныхъ камней...

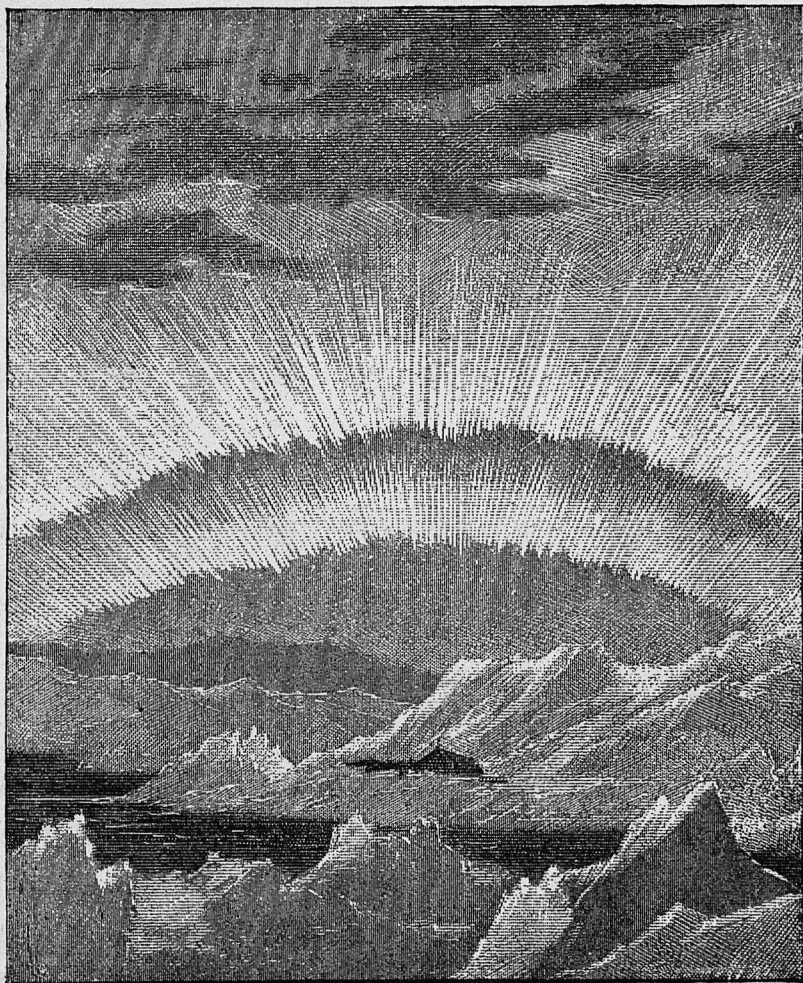
Это было сѣверное сіяніе, волшебный фейерверкъ, дивная сказка далекаго холоднаго сѣвера, которыхъ нигдѣ больше увидать не придется.

Но вдругъ все погасло: сказка кончилась, волшебное сіяніе улетѣло. Опять все такъ же хмуρο плескала вода, мрачная и холодная, опять неподвижными застывшими массами стояли ледяныя и снѣжныя горы и казались холодными и непривѣтными...

А на другое утро высоко кружившіяся наверху чайки первыя замѣтили придвигавшееся судно и извѣстили объ этомъ громкими криками всѣхъ обитателей острова. Давно уже не было видно здѣсь ни кораблей ни лодокъ, потому что сильный холодъ и массы пловучаго льда мѣшали имъ добираться до этихъ мѣстъ.

Люди, находившіеся на суднѣ, были охотники, промышлявшіе тѣмъ, что торговали шкурами убитыхъ звѣрей и пухомъ пойманныхъ птицъ. Всѣ они были тепло одѣты и вооружены разнаго рода оружіемъ; они не подошли близко къ берегу, но остались въ томъ мѣстѣ моря, гдѣ не было пловучаго льда.

Сѣверное сіяніе.

— Люди будутъ охотиться на насъ,—сказалъ бѣлый медвѣдь, выглядывая изъ своей ледяной пещеры.—Посмотримъ!—и онъ такъ ужасно щелкнулъ своими крѣп-

кими бѣлыми зубами и такъ зарычалъ, что морозъ пошелъ бы по кожѣ, если бы кто-нибудь изъ людей увидалъ его такимъ.

— Они будутъ охотиться на насъ!—шептали тюлени, глубже ныряя въ воду.—Еще недавно совершенно такъ же прѣзжали люди въ лодкахъ и, выйдя на берегъ, палками побили цѣлое наше стадо... Лучше быть въ водѣ.

Моржи, уцѣпившись клыками за льдины, угрюмо смотрѣли на море и какъ будто готовились къ битвѣ.

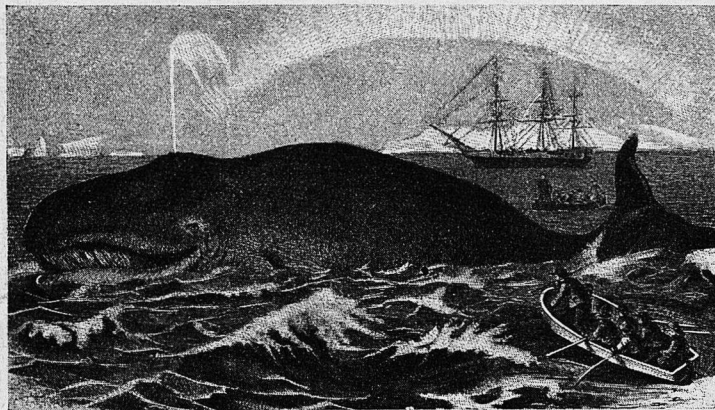
Глупые чистики неподвижно, точно тумбочки, стояли рядами на берегу, ничего не понимая, ничего не чувствуя. Только буревѣстники и чайки съ тѣми же пронзительными криками воевали изъ-за добычи надъ поверхностью моря.

Но ни тюлени, ни моржи, ни медвѣди не угадали правды. Люди, прѣхавшіе на кораблѣ, были китоловы и этого-то великана моря и поджидали они.

Киты появлялись то тутъ, то тамъ; это видно было по внезапно появляющимся высокимъ фонтанамъ воды, которые они выпускали изъ ноздрей, появляясь надъ поверхностью моря, чтобы подышать.

Вдругъ надъ поверхностью моря, совсѣмъ близко отъ корабля, появился столбъ воды и громадное тѣло кита. Съ корабля тотчасъ же бросили въ него гар-

пунъ, желѣзное копье, привязанное къ канату, конецъ котораго остался на кораблѣ. Китъ, очевидно, раненый, моментально скрылся въ водѣ, таща за собой канатъ, который постепенно разматывался. Но долго пробыть подъ водой онъ не могъ, потому что ему понадобилось набрать воздуха для дыханія. Онъ выплылъ опять, и опять въ него полетѣли уже нѣсколько гар-

КИТЪ.

пуновъ. Животное вздрогнуло. Вода около него окрасилась кровью. И вдругъ, изгибаясь, вывертываясь, онъ сталъ съ такой яростью хлестать хвостомъ по водѣ, что гулъ этихъ страшныхъ ударовъ разносился далеко вокругъ. Громадныя волны, величиной чуть не съ корабль, чуть не затопили лодку съ охотниками, спущенную съ корабля...

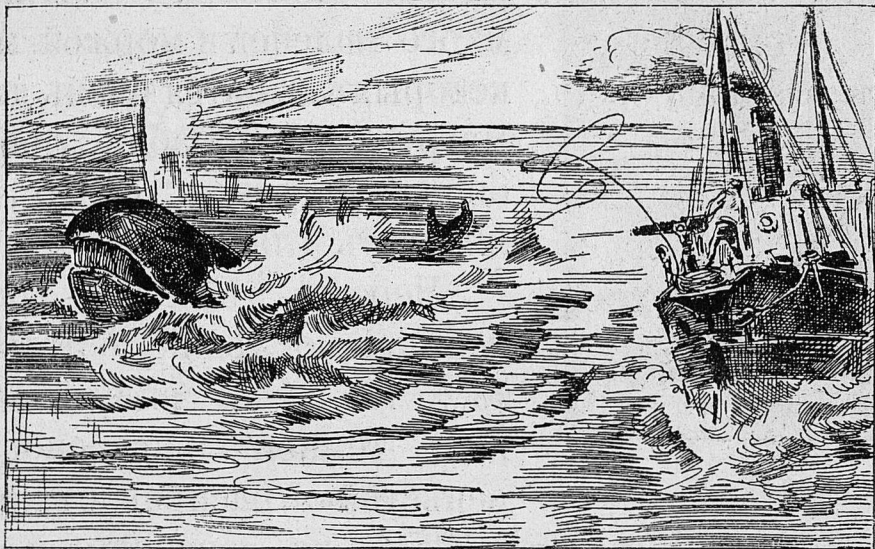
Канаты дрожали и чуть не лопались. Животное билось все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, изнеможенное, истекающее кровью, выплыло на поверхность уже мертвымъ. Опасная охота окончилась вполнѣ благополучно: китъ однимъ легкимъ ударомъ хвоста могъ опрокинуть лодку со смѣльчаками, засѣвшими въ ней. Теперь оставалось только съ помощью канатовъ перетащить его на берегъ, что было тоже дѣломъ нелегкимъ. Тѣло кита, оставленное на сушѣ, разлагается очень быстро. Поэтому охотники торопились взять отъ него все, что имъ было нужно, а остальное бросить на расхищеніе звѣрямъ и птицамъ.

Знаете ли вы, какъ великъ былъ этотъ китъ? Вообразите себѣ двѣсти штукъ слоновъ, поставленныхъ въ продолговатую кучу, и тогда вы можете себѣ представить ту громадную массу, неподвижно лежавшую на берегу, вокругъ которой ходили люди и на которую взбирались они какъ на гору, рѣжа, кромсая, выкраивая и вырывая.

Они вырѣзали зубы кита, роговыя пластинки, изъ которыхъ дѣлаютъ различныя издѣлія. Затѣмъ, снявъ кожу, вырѣзали все сало и жиръ, которыхъ такъ много у кита и которыя идутъ для смазки машинъ. Даже кости его они взяли съ собой, потому что онѣ были такъ велики и крупны, что изъ нихъ легко можно

было бы что-нибудь построить: изъ челюсти жители сѣвера дѣлають себѣ, напр., ворота, изъ реберъ строить дома и т. д.

О, съ какимъ восторгомъ слѣдили и птицы и звѣри за той минутой, когда люди покинуть, наконецъ,

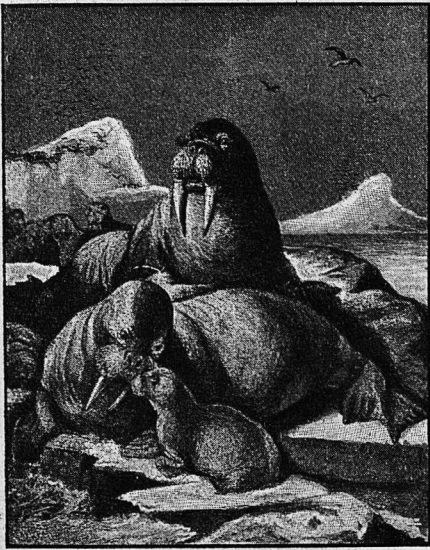

На китовомъ промыслѣ.

громадную тушу, до которой такъ страстно хотѣлось имъ добраться. Пожива была такъ велика, что можно было и не драться: всѣмъ бы хватило.

И когда люди ушли на свой корабль, всѣ побѣжали и полетѣли туда. Цѣлые милліоны птицъ усѣлись на него, разрывая и расклеывая кровянистые остатки. Бѣлые медвѣди, съ запачканной кровью шку-

рой, ворча и рыча, грызли кости и, давясь, глотали мясо... О, какъ они были благодарны людямъ за то, что они вздумали угостить ихъ такимъ вкуснымъ обѣдомъ!..

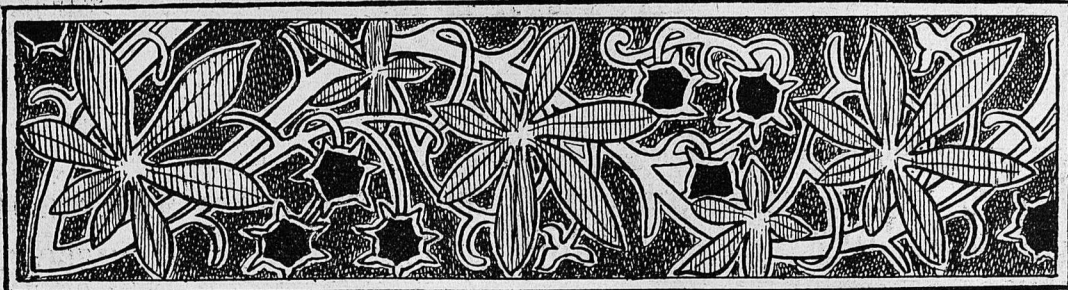
Моржи.

Нѣсколько дней еще простоялъ корабль на томъ же мѣстѣ. Охотники набили еще много тюленей и моржей, клыки которыхъ цѣнятся очень дорого. Нагрузивъ корабль добычей, они отчалили и скоро скрылись изъ глазъ.

Черезъ нѣсколько недѣль исчезли послѣдніе остатки кита... И снова вились чайки надъ темной водой, снова буревѣстники, расправивъ крылья, качались, какъ въ колыбели, на серебристой пѣнѣ волнъ... И вѣчные снѣга и таинственныя льдины, холодные, неподвижные и величавые, какъ будто говорили о вѣчномъ покоѣ.

З. Піотровичъ.

И г р а.

Веселый командиръ.

Эту игру можно весело играть на мягкой травкѣ, гдѣ-нибудь на лужайкѣ.

— „Стройся!“—кричитъ командиръ, и вся компанія, мальчики и дѣвочки, сколько ихъ есть, выстраиваются въ рядъ, какъ солдаты.

Особенно удачна будетъ эта игра, когда ее знаютъ какъ слѣдуетъ только двое: командиръ да тотъ, кто первый стоитъ въ строю.

Но вотъ всѣ выстроились въ рядъ. Командиръ выступаетъ передъ своими солдатами и командуетъ, громко выкрикивая самыя потѣшныя приказанія, какія только придутъ ему въ голову:

— Валяй—чихай, ребята, на здоровье!

Всѣ чихаютъ.

— Валяй—кашляй!

Кашляютъ.

— Смо-о-ркайся!

Всѣ мигомъ хватаются за свои носовыя платки и дѣлаютъ видъ, будто сморкаются. Кто какъ умѣетъ, подражаютъ сморканью.

— Смѣйся, честной народъ! Хо-хо-тать!

Всѣ хохочутъ, нагибаясь, хватаясь за бока, при-сѣдая и т. п.

— Бей другъ друга по ру-у-у-камъ!

И пошло отшлепываніе по рукамъ.

Всякое приказаніе каждый обязанъ исполнять неукоснительно и точно.

Много и другихъ можно придумывать приказаній. Чѣмъ больше движенія, тѣмъ лучше. Одна за другой команды быстро слѣдуютъ безъ замедленія, — только поспѣвай за бойкимъ строгимъ командиромъ. Впрочемъ, укажу еще кое-какіе примѣры команды.

— На колѣни!

Всѣ припадаютъ на лѣвое колѣно моментально.

— Рота! П-п-п-пли! (т.-е.: „пали! или стрѣляй“).

— Вынь патроны! (Это значитъ: вытащить изъ ружья патроны).

При этомъ надо дѣлать руками такія движенія, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ все это исполняемъ: стрѣляемъ, вынимаемъ и т. д.

Въ лѣвой рукѣ у насъ будто бы ружья, а потому она у насъ вытянута впередъ, а другую сначала вытягиваемъ впередъ и сейчасъ же прижимаемъ къ груди, и обратно то же повторяемъ.

И вдругъ неожиданно для всѣхъ командиръ сдѣлаетъ кому-нибудь тычокъ въ спину.

— Вали, ребята, въ мою голову!

Всѣ толкаютъ другъ друга въ траву, падаютъ, подымаются, снова падаютъ отъ толчковъ сосѣда. Но вотъ—опять команда:

— Ра-а-а-а-з-сысься!

Всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, а прежде всѣхъ—командиръ. Кто его догонитъ и коснется, тотъ самъ становится командиромъ, выстраиваетъ всѣхъ въ рядъ и командуетъ, что ему въ голову придетъ: чѣмъ потѣшнѣе команда, тѣмъ веселѣе игра. А какъ крикнетъ: „Ра-а-а-а-з-сысься!“ — такъ тутъ всѣ летятъ и ловятъ командира: кто поймаетъ, тотъ его и замѣнитъ.

В. Ермиловъ,

Въ школу!

Продолжается подписка на 1907 годъ

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ
для дѣтей СТАРШАГО (12—15 лѣтъ) возраста

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Подписчики въ 1907 году получаютъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА,
каждая въ объемъ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ,
со множествомъ рисунковъ.

12 ПОРТРЕТОВЪ НА АЛЬБОМНОЙ БУМАГѢ
„Свѣточи науки“.

6 КАРТИНЪ-СНИМКОВЪ
съ выдающихся произведеній знаменитыхъ РУССКИХЪ художниковъ.
Даны будутъ въ видѣ альбома въ бумажной папкѣ.

6 КАРТИНЪ-СНИМКОВЪ
съ выдающихся произведеній знаменитыхъ ИНОСТРАННЫХЪ художниковъ.
Даны будутъ въ видѣ альбома въ бумажной папкѣ.

Кромѣ того, подписчики „Друга Дѣтей“ въ 1907 году получаютъ:

10 ПОЛЕЗНЫХЪ въ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ
ПРЕМІЙ-ПОДАРКОВЪ.

1. Иллюстрированный настольный календарь записная книжка, съ справочными свѣдѣніями и указаниями. 2. Юный артистъ-режиссеръ, руководство къ постановкѣ домашнихъ спектаклей, исполненію ролей, гримировкѣ и т. д. 3. Какъ самому устроить волшебный фонарь, приспособленія къ нему, свѣтотыны картины и т. д. 4. Юный химикъ, простѣйшіе опыты. 5. Юный астрономъ, наблюденія неба, луны, звѣздъ и т. д. 6. Юный чертежникъ. 7. Юный путешественникъ, путеводитель по замѣчательнымъ городамъ и живописнѣйшимъ мѣстностямъ Россіи. 8. Гигіена, какъ работать, отдыхать и развлекаться безъ вреда для своего здоровья. 9. Спутникъ дачника, лѣтнія развлеченія. 10. Зимніе вечера, зимнія развлеченія.

5 Подписная
цѣна:
съ пересылкой
и доставкой
НА
ГОДЪ.
Издатель
Т-во И. Д. Сытина.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля 1 р.
Объявленія принимаются съ платой 30 коп.
за строку цѣнита позади текста.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва
И. Д. Сытина.

Подписная
цѣна:
съ пересылкой
и доставкой
НА 1/2
ГОДА. **3** р.
Редакторъ
Н. В. Тулуповъ.

ИЗДАНИЯ
годъ II.

Открыта подписка на 1907 г.
на двухнедѣльный журналъ

ИЗДАНИЯ
годъ II.

для дѣтей МЛАДШАГО (6—9 лѣтъ) возраста

ПЧЕЛКА.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Разсказы, повѣсь, сказки, легенды, нѣссы и стихотворенія
2. Биографіи, воспоминанія, историч. очерки и картинки
3. Путешествія по Россіи и другимъ государствамъ, странамъ и мѣстностямъ земного шара. Этнограф. пѣсньи очерки и картинки.
4. Дома и въ чужихъ краяхъ. Выдающіяся событія.
5. Знакомство съ природой и са жизнью.
6. Занятія, игры, шарады, загадки, музыка, пѣніе и рисованіе.
7. Смѣсь. Шутки, комическія картинка и т. п.

Подписчики въ 1907 году получаютъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, ≡
со многими иллюстраціями и полосными рисунками.
Крупный и четкій шрифтъ.

12 ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ, ≡
главнымъ образомъ образовательныя игры, забавы, занятія,
имѣющія своєю цѣлью дать дѣтямъ возможность заполнить свои досугъ съ интересомъ и пользой.

Желающимъ № высылается за 2 семикоп. марки.

НА ГОДЪ **3** ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **2** НА 1/2 ГОДА
съ достав- **3** р. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: **2** р. съ доставкой
ной и пере- при подпискѣ—2 р., и пере-
сылкой къ 1 июля—1 р. р.сылкой.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Издатель И. Д. СЫТИНЪ.

Редакторъ Н. В. Тулузовъ.